
ПРЕДИСЛОВИЕ

Три раза предпринимаем был перевод всех сочинений Платона на русский язык.

Уже в 80-х годах XVIII века священник Иоанн Сидоровский и «коллежский регистратор, находящийся при общежитии благородных девиц» Матфей Пахомов познакомили русское образованное общество с «Творениями всемудрого Платона», «преложив их с греческого языка на российский». Три части этого труда, появившиеся, в 4-х книгах, в 1780—85 г., содержат перевод значительного числа произведений Платона. Из наиболее крупных и важных диалогов остался непереведенным Тимей. О том как смотрели переводчики на свою задачу, они сами говорят в «предуведомлении» так: «Платон употребил в своих творениях слог средний между прозою и стихотворством. Отсюда требовалась необходимость наблюдать таковой слог в самом переводе и несколько приближаться к свойству языка славянского... Паче же всего прилагали мы крайнее тщание изобразить, коль можно точнее и вернее, мысли писателевы, да и изъяснить оные тамо, где могла приметиться некая в них неясность. Но при всем том мы ни мало не устранились от подлинника». В свое время о переводе Сидоровского и Пахомова М. С. Куторга заметил: «Язык несколько устарел, но этот недостаток вознаграждается тщательностью и добросовестностью перевода»¹. Последнее качество перевода отмечено М. С. Куторгою совершенно правильно. Что же касается языка перевода, то он, будучи характерным для своего времени, теперь должен быть признан не только «несколько» устаревшим, но и устаревшим совершенно. С какого издания подлинника Сидоровский и Пахомов переводили, они не указывают; впрочем, в их время надежного критического издания Платона вообще не существовало.

---

¹ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, май, 118.

В течение XIX века отдельные произведения Платона переводились много раз¹. Но перевод почти всех сочинений Платона появился лишь в 1879 году. Перевод этот принадлежит профессору СПб. Духовной Академии В. Н. Карпову. Карпов посвятил значительную часть своей ученой деятельности переводу Платона. Первое издание, в двух томах, появилось в 1841 и 1842 г. и содержало 14 диалогов Платона: Протагор, Евфидем, Лажет, Хармид, Гиппий Меньший, Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон, Менон, Горций, оба Алкивиада. Второе издание, «исправленное и дополненное», вышло, в 4-х томах, в 1863 г.; в него, кроме указанных диалогов, вошли: Государство, Федр, Пир, Лисис, Гиппий Большой, Менексен, Ион, Феог, Соперники, Гиппарх, Клитофонт. Наконец, уже после смерти Карпова (в 1867 г.) появились, в 1879 г., еще два тома, содержащие перевод: Филеба, Кратилла, Феетета, Софиста, Помитика, Парменида, Тимея, Крития, Миноса, Эриксия. Таким образом, Карповым был переведен Платон почти весь: остались непере переведенными Законы, Послесловие к Законам (Эпикномис), а также приписываемые Платону письма и некоторые мелкие диалоги и трактаты, принадлежность которых Платону оспаривалась уже в древности.

В предисловии к первому изданию своего перевода Карпов указывает, каким условиям должен, по его мнению, удовлетворять всякий «истинно хороший перевод». В нем должна быть: 1) мысль писателя выражена, поскольку возможно, со всеми ее оттенками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы того языка, на который сочинение переводится. К соблюдению этих условий Карпов стремился с полной добросовестностью, и исполненный им труд должен быть признан, в общем, трудом весьма почтенным. Карпов, действительно, как он говорит в конце предисловия ко 2-му изданию, «желал сделать хорошее и хорошо». Специалистам философам и филологам Карпов, несомненно, оказал своим переводом большие услуги при их занятиях Платоном. Но получило ли пользу и, в особенности, испытывало ли удовольствие при чтении перевода Платона в труде Карпова русское образованное общество, это — большой вопрос. Главным недостатком перевода Карпова является полная его, если можно так выразиться, неудобочитае-

¹ Подробные указания на эти переводы можно найти в «Систематическом указателе книг и статей по греческой филологии» П. И. Прозорова (П. 1898) и в «Русской библиографии по истории древней философии» А. С. Яценка (Юрьев 1915).

мость. Даже специалисту, знающему греческий язык, при чтении перевода Карпова, приходится нередко обращаться к подлиннику и, лишь сверив с ним перевод, удается доискаться того, что именно хотел сказать или сказал Платон в том или ином случае. Язык, каким перевел Карпов Платона, язык тяжелейший, местами запутанный, не говоря уже о том, что красота стиля подлинника в переводе не только не выражена, но даже и не почувствована. Коротко говоря, перевод Платона, исполненный Карповым, при всех его добросовестных и похвальных стремлениях, не может претендовать на то, чтобы считаться переводом удовлетворяющим тем требованиям, каким должен удовлетворять всякий перевод вообще: он должен быть, прежде всего, удобочитаемым и без особого напряжения понимаемым, за исключением, конечно, тех случаев, когда сам писатель, которого переводят, по тем или иным причинам, высказывается неопределенно, туманно. Какое из изданий Платона Карпов положил в основу своего перевода, он не указывает, ограничиваясь лишь замечанием, что его главными руководителями были: Стефан (Анри Этьенн), Аст, Шлейермахер, Шталльмбаум.

К каждому из переведенных Карповым диалогов приложено его же введение, а сам перевод сопровождается «филологическими, историческими и философскими примечаниями». И «введения», и «примечания», исполненные для своего времени удовлетворительно, теперь должны быть признаны, естественно, устаревшими. Самый порядок расположения диалогов в труде Карпова был обусловлен его воззрением на ход развития философского мышления Платона. Все диалоги Карпов распределял на три группы: 1 «Проталоровские», отличающиеся «диалектико-дидактическим» характером, 2 «Парменидовские» — «критико-диалектического» характера, 3 «Федровские» — «дидактико-поэтического» характера. Такая группировка, при современном положении «Платоновского вопроса», критики не выдерживает.

Несмотря на все указанные недостатки труда Карпова, нужно сказать, что им выполнена была большая и очень важная работа. Ценно уже то, что Платон был переведен одним лицом: это придает переводу целостный характер. Не менее важно было и то, что почти весь Платон появился в русском переводе. Русское общество оценило труд Карпова — в настоящее время он представляет собою библиографическую редкость.

В самом конце XIX века взялся за перевод Платона Владимир Соловьев, по свойству своих дарований призванный, быть может, более,

чем кто иной, исполнить такую работу. Глубокий мыслитель и, вместе с тем, перворазрядный писатель-стилист, обладавший, к тому же, поэтически-настроенною душою, Соловьев был, до известной степени, конгенитален Платону. Желая дать русскому обществу верный перевод Платона, Соловьев, в предисловии к своему труду, прекрасно выразил, каким условиям должен удовлетворять всякий перевод вообще. Они очень просты и, вместе с тем, очень трудны. Позволим себе напомнить слова Соловьева: «Переводчик, желающий верно передать, а не предать своего автора (особенно когда дело идет об авторе классическом), должен одинаково бояться и Сциллы неуместного сочинительства, и Харибды мертвого буквализма. И то и другое одинаково несовместно с верностью перевода. Что касается до сочинительства или, так называемого, вольного перевода, то никто ведь не мешает всякому человеку, имеющему способность и охоту к литературному творчеству, проявлять его, как и в чем угодно. Это неотъемлемое право ограничивается, однако, правом читателя не подвергаться предумышленному обману. Если переводчик владеет пером — это его счастье, но где же его полномочие продавать свое стальное или гусиное перо за писчую протинку Платона?». Сциллы сочинительства, по мнению Соловьева, избежать не так трудно: требуется «только простое сознание своей обязанности и доброе намерение ее исполнить». Труднее избежать «Харибды буквализма», хотя «буквальность есть, во всяком случае, основа верного перевода, и отступить от нее позволительно только на достаточных основаниях». Доло размышляя Соловьев об этих «основаниях» и пришел к такому заключению: «Стремление к буквализму, или страх отступить от текста, есть, как и «страх божий», непрременное «начало премудрости» для благочестивого переводчика, — конец же ее этим не исчерпывается. Тут возникает новое более сложное и тонкое требование: овладевши мыслью подлинника во всей полноте и точности ее выражения, нужно во всяком случае, представляющем какое-нибудь затруднение для буквальной передачи, ставить себе вопрос: как данный автор, скажем, Платон — с особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это нам исторически известно, — если бы он знал по-русски и ему пришлось бы писать на этом языке, как выразил бы он на нем эту свою мысль с этими ее оттенками? Серьезная постановка этого вопроса и добросовестные усилия его практически решить, т. е. усилие переводчика себя оплатонить, а Платона обрусить — или, другими словами, входя в дух гре-

ческого автора, заставляя вместе с тем и его входить в дух русского языка — вот чем определяется настоящий путь хорошего, т. е. действительно точного и верного перевода. В нем должны нераздельно присутствовать явные признаки его двойного происхождения, из двух живых источников — греческой и русской речи.

К сожалению, Соловьев успел только положить начало переводу Платона (переводил он по изданию Шанца). В первом томе «Творений Платона» (М. 1899) им даны переводы: Феала, Второго Алкивиада, Иона и Хармида; остальные диалоги, вошедшие в первый том (Первый Алкивиад, Лахет, Лисис) переведены: Мих. С. Соловьевым. Во втором томе «Творений Платона» (М. 1902), вышедшем в свет уже после смерти Владимира Соловьева, ему принадлежит перевод: Протогора, Гиппия Меньшого и Евфидема; остальные диалоги (Гиппий Большой, Евтифрон, Аполония Сократа, Критон) переведены Мих. С. Соловьевым. Переводы указанных диалогов сопровождаются «Рассуждениями» о них, составленными отчасти Владимиром Соловьевым, отчасти С. Н. Трубецким. Порядок расположения диалогов в обоих томах обусловлен тем взглядом, который усвоен был Владимиром Соловьевым на «общий характер хода развития Платоновой мысли». Краткое изложение этого взгляда дано Соловьевым в «предварительном очерке» жизни и сочинений Платона, помещенном в начале первого тома.

Можно быть уверенным, если бы Соловьеву удалось довести начатое им предприятие до конца, потребность в новом переводе Платона, долженствующем заменить устаревший перевод Карпова, была бы вполне и с успехом удовлетворена. Но предприятие остановилось в сущности на начале, и такие важные произведения Платона, как его «Пир», «Федон», «Государство», «Федр», «Тимей» и др. остались не переведенными.

Приступая к своему переводу Платона, Соловьев указывал, что потребность в верном переводе всего Платона обуславливалась в его время, т. е. на рубеже XIX—XX вв., ростом философского образования в русском обществе, расширением действительной и постоянной в нем любознательности к философским трудам. Так ли обстоит дело теперь, по прошествии 25 лет, мы не знаем. Но мы убеждены в том, что каждый народ должен иметь в своем распоряжении перевод Платона. Ибо ценность Платона и его значение не могут и не должны измеряться теми или иными потребностями, настроениями, вкусами,

увлечениями, стремлениями. Платон, и как мыслитель и как писатель, стал уже давно достоянием человечества. Даже те, кто оказался бы наиболее чуждым положительным доктринам Платона, мог бы всегда приветствовать в нем своего руководителя, потому что в области знания Платон навсегда останется тем, чем он хотел быть для основанной им Академии, — учителем ищущих. И как бы ни относиться к мировоззрению Платона в его общем виде, или в его частностях, едва ли можно оспаривать то совершенно исключительное значение, какое Платон и возникший из него Платонизм имел в истории человеческой мысли. Но если бы даже кто и дерзнул усомниться все же в этом значении Платона, то человек мало-мальски чуткий ко всему тому, что носит на себе отпечаток художественности, не рискнет отрицать значения Платона, как писателя, как одного из корифеев мировой художественной литературы, достойного занять место в одном ряду с самыми видными ее представителями¹. С этой точки зрения Платон всегда будет и современен, и своевременен.

Конечно, для того, чтобы постигнуть всю красоту речи Платона, его сочинения нужно читать в подлиннике. В этом отношении никакой перевод Платона, как бы он хорош и точен ни был, оригинала не заменит, не может заменить, не должен заменить. Даже совершенный перевод будет, в этом отношении, служить только слабым воспроизведением подлинника. Недаром итальянская поговорка говорит: *traduttore traditore*. Все же при переводе такого писателя, как Платон, переводчик должен считаться с этой стороною его таланта. Как он сумеет ее передать — это будет зависеть от его индивидуальных свойств; и хорошо уже то, если он будет стремиться, по мере сил и умения, передать в своем переводе, хотя бы отчасти, внешнюю форму изложения Платона. Самое же главное, при всяком переводе, стремление должно состоять в том, чтобы он был верен, понимая под верностью перевода выполнение тех правил, которые были так хорошо сформулированы Владимиром Соловьевым: перевод должен быть точен, но не буквалан,

---

¹ Восторженно отзываясь о Платоне Эмиль Фагэ: Платон «прежде всего величайший поэт, величайший, быть может, каких только знала Муза. — Он — величайший художник и один из тех людей, которые обладали наиболее живым, наиболее глубоким чувством красоты. — Он — величайший оратор, и его прекрасный язык, текучий и гибкий (*fluide et souple*), служит чудесною оболочкою для выражения мысли, всегда изящной и зачастую мощной». Em. Faguet, Pour qu'on lise Platon, 9.

сохранять, по возможности, стиль подлинника, но и не грешить против стиля русской речи.

Эти правила положены в основу предлагаемого вниманию читателя нового перевода творений Платона. Так как перевод отдельных произведений Платона исполняется не одним лицом, а несколькими, то, понятно, каждый из переводчиков стремился осуществить в своей работе указанные правила так, как бы он мог или считал нужным их осуществить.

В основу перевода положен текст Платона, установленный в оксфордском издании Бёрнета (J. Burnet), вышедшем в 1899—1907 гг., в 5 томах. Рецензия текста в этом издании, являющемся последним изданием всех произведений Платона, построена на строго консервативном основании. Издание стремилось, насколько возможно, установить текст Платона в том виде, в каком он представлен лучшими рукописями сочинений Платона: Оксфордской (codex Clarkianus или Bodleianus) 895 г., Парижской X века и Венецианской XII века. В тех случаях, когда перевод отклоняется от текста, установленного Бёрнетом, это тщательно отмечается в примечаниях.

Эти примечания сопровождают каждое из переводимых произведений Платона. Помимо указаний на отклонения от текста, положенного в основу перевода, примечания содержат существенно необходимые сведения реального характера. Главное внимание при работе обращено было на самый перевод, и те или иные пояснения к нему даются лишь в исключительных случаях, когда это вызывается существенно необходимостью. В некоторых случаях, для того, чтобы сделать перевод более понятным, в текст его вставляются слова (или небольшие фразы), отмечаемые квадратными скобками. Но и тут переводчики всячески стремились к тому, чтобы количество таких вставок было наимозможно меньшим.

Переводу каждого произведения Платона предшествует небольшое введение, где излагаются существенно необходимые сведения, касающиеся вопросов о подлинности данного диалога, об его основном сюжете и той обстановке, среди которой сюжет этот разыгрывается, о действующих лицах диалога, об его композиции и плане, об его философском и художественном значении, о времени его составления. В заключении вступительной статьи даются указания на лучшие специальные издания диалога, на имеющие значение предшествующие переводы на русский язык, на главнейшую литературу, посвященную диалогу.

Предшествующие переводу введения не должны быть рассматриваемы, как какие-либо ученые исследования. Цель их более скромная — ориентировать читателя в тех вопросах, которые касательно каждого диалога представляются более или менее прочно установленными в ученой литературе, посвященной Платону¹.

Из всех вопросов, связанных с Платоном, наиболее сложным и спорным вопросом является хронологическая последовательность диалогов. Пробовали подходить к решению этого вопроса с различных точек зрения: и с точки зрения развития и изменения мировоззрения Платона, и с точки зрения конструкции и формы самих диалогов, и с точки зрения тех хронологических данных, которые содержатся в самом диалоге, и с точки зрения сознательного или бессознательного употребления Платоном тех или иных слов и выражений, равно как и общего характера стиля. Все эти попытки, приведшие к очень ценным и важным результатам, значительно подвинули вперед установление хронологической последовательности Платоновских диалогов. Однако, окончательно установленных и всеми безусловно принятых выводов эти исследования, за немногими исключениями, не дали. В виду этого, не желая навязывать читателям Платона тех или иных, всегда субъективно построенных, хронологических схем, в новом переводе творений Платона они расположены в том условном, но рукописною традицией освященном порядке, какой установлен был для них, еще в начале нашей эры, Фрасиллом, расположившим диалоги по, так называемым, тетралогиям.

Так как тетралогии, на которые разбиты диалоги Платона, не одинаковы по своим размерам, то пришлось в переводе Платона отказаться от мысли посвятить каждой тетралогии отдельный том. Сохранив порядок самих диалогов, как он установлен Фрасиллом, мы размещаем их на 15 томов, каждый из которых заключает в себе, в среднем, от 10 до 15 печатных листов. Таким образом, содержание

¹ К сожалению, новейшая ученая литература о Платоне, поскольку она появилась за границею за последние восемь лет, переводчикам была почти недоступна. В частности, они очень опечалены тем, что не могли воспользоваться предпринятым известными французскими учеными, братьями Круазе (Croiset), изданием и переводом всех произведений Платона. Судя по имеющимся в Петербурге номерам «Journal des savants» за 1922 г. (январь — февраль, май — июнь) вышло два тома этого издания, содержащие общее введение, текст и перевод: Гиппия Меньшего, Алкивиада, Апологии Сократа, Евтифрона, Критона, Гиппия Большого, Хармида, Лахета, Лисиса.

всех 15 томов будет следующее: I т. — Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон; II т. — Кратил, Феетет; III т. — Софист, Политик; IV т. — Парменид, Филеб; V т. — Пир, Федр; VI т. — Алкивиад Первый, Алкивиад Второй, Гиппарх, Соперники, Феаг, Хармид; VII т. — Лахет, Лисис, Евфидем, Протагор; VIII т. — Горный Менон; IX т. — Гиппий Большой, Гиппий Маленький, Ион, Менежес, Клитофонт; X т. — Государство (книги I — V); XI т. — Государство (книги VI — X); XII т. — Тимей, Критий, Минос; XIII т. — Законы (книги I — VI); XIV т. — Законы (книги VI — XII). После-словие к законам; XV т. — Письма, Определения, О справедливом, О добродетели, Демодок, Сисиф, Эриксий, Аксиох¹. XVI, заключительный, том предполагается посвятить особой монографией. В ней дана будет биография Платона, рассмотрена его литературная деятельность и его мировоззрение в их целостной совокупности, влияние и отражение этого мировоззрения в последующей истории человеческой мысли, прослежены главные стадии в изучении Платоновского вопроса в новое время, указана существенная библиография по Платону.

Приложенный портрет Платона воспроизводит герму, хранящуюся в Ватиканском музее. Герма, исполненная из пентелийского мрамора в середине I в. по Р. Х., скопирована, как думают, со статуи Платона, исполненной афинским скульптором IV в. до Р. Х. Силанионом².

С. Жебелев.

Э. Радлов.

¹ Деление на главы диалогов Платона, отсутствующее в рукописях, введено новыми издателями Платона. Чаще, однако, Платона цитируют не по этим главам, а по страницам издания Платона, исполненного Генрихом Стефаном (Анри Этьенном) в Париже в 1578 г. Ссылки на полях (St. I, p. 2 A. B. C. D. E. . . . .) и указывают на соответствующий том и страницы этого издания Стефана.

² Воспроизведение гермы дано по изданию: R. Delbrück, Antike Porträts, Bonn 1912, табл. 15.